

мином из области лингводидактики. Этот факт дает надежду, что проблема избыточных заимствований может хотя бы отчасти быть решена усилиями преподавателей иностранных языков, кото-

¹ Крысин Л.П. О русском языке наших дней // Изменяющийся языковой мир. — Пермь, 2002.

² См.: Крысин Л.П. Указ. соч.; Дьяков А.И. Причины интенсивного заимствования англицизмов в современном русском языке. Язык и культура. — Новосибирск, 2003; Ланчиков В.К. Семь заблуждений относительно заимствований // Журнал переводчиков Мосты. 2005. — № 3, 4.

³ См.: Стрельцов А.А. Трудности перевода: от ошибки до абсурда // Мир перевода. — 2008. — № 1. — С. 37–40; Стрельцов А.А. Телепроколы переводчиков // Там же. — С. 41–42; Стрельцов А.А. Причины ошибок переводчиков // Мир перевода. — 2009. — № 1. — С. 50–51; Стрельцов А.А. О классификации переводческих ошибок // Перевод и сопоставительная лингвистика. — 2009. — Вып. № 6. — С. 60–66.

⁴ Пястолов С.М. Ошибки перевода или смещения восприятия? // [Электронный ресурс] <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/180893.html>

⁵ Подробнее см.: Стрельцов А.А. Гамлетовский вопрос, или последствия ошибок переводчиков // Мир перевода. — 2008. — № 2. — С. 49.

рые открывают учащимся значение тех или иных английских слов, и учителями-словесниками, которые дают подрастающему поколению образцы правильной и выразительной русской речи.

⁶ Бернацкая А.А. Обратная сторона медали, или отношение к иноязычному слову // Международная научно-методическая конференция «Актуальные проблемы сопоставительной типологии» / Сб. статей. — Тюмень, 2009. — С. 12.

⁷ Криворучко Т.О., Адильбаева Т.О. Англицизмы: угроза или необходимость? // [Электронный ресурс] http://www.rusnauka.com/13.DNI_2007/Philologia/21026.doc.htm

⁸ См.: 1. Некрасова Т.П. Хитрецы и выскочки, актеры и факторы // Мосты. — 2008. — № 4; 2. Некрасова Т.П. Не верь ушам своим. *Продолжение разговора о заимствованиях* // Мосты. — 2009. — № 1; 3. Юшина Е.В. От теории к практике. *О заимствованиях в области финансово-экономического перевода* // Мосты. — 2009. — № 2; 4. Kogalova A. RUSS-ENG: ARE WE GETTING CLOSER? *Anglicisms in Russian* // Мосты. — 2009. — № 4.

⁹ Соболева Е.Г. Использование и преодоление интерференции в профессионально ориентированном переводе (на примере юридической лексики) // XII Международная научно-практическая конференция «Вопросы современной филологии и методики обучения языкам в вузе и школе» / Сб. статей. — Пенза, 2009. — С. 229.

Русская классическая художественная литература, глубоко вскрывавшая пороки и достоинства личности и общества, как бы ни менялись ориентиры развития страны, остается неисчерпаемым источником мудрости и человеколюбия, главным средством общекультурного развития и воспитания гуманной личности учащегося. К сожалению, чем больше времени проходит с момента создания прекрасных произведений этой литературы, тем больше оказывается в них слов, требующих специального историко-лингвистического комментирования их значений для более глубокого понимания текста современными школьниками.

Г.М. Шипицына (Белгород)

О семантическом развитии лексики

Ключевые слова: историко-лингвистический анализ, устаревшие слова, архаизмы, лексико-семантическая система, сужение и расширение семантического объема.

В своем развитии язык следует за развитием мышления, культуры и условий жизни народа, поэтому объективна и неизбежна архаизация слов, обозначавших ушедшие из нашей жизни понятия и предметы (они называются историзмами). Например, такие, как *титularный советник, становой пристав, столоначальник, стряпчий, рясна, пращ, омнибус*. О том, что именно они обозначали, можно прочесть в словарях устаревших слов, в частности следующих: *Рогожников Р.П., Карская Т.С.* Школьный словарь устарев-

ших слов русского языка: По произведениям русских писателей XVIII–XX вв. — М.: Просвещение, 1996; *Аркадьева Т.Г., Васильева М.И., Проничев В.П., Шарри Т.Г.* Словарь русских историзмов: Учебное пособие. — М.: Высшая школа, 2005. Труднее разбираться с такими словами, которые не исчезли из употребления, но частично (не полностью!) изменили что-либо в своих значениях или в сочетаемости, или в стилистической окраске, или в оценочной значимости, т.е. в коннотации. В словарях устаревших слов о них не расска-

зывается, а комментирования их бывшего смысла или бывшей коннотации такие слова требуют.

В данной статье мы предлагаем учителю один из путей историко-лингвистического анализа **частично устаревших** слов и ответы на вопрос о возможных причинах семантических изменений в словах, широко употребляемых в произведениях русской классики.

Современная лингвистика опирается на тезис о том, что языковая картина мира взаимосвязана с национальной картиной мира и с процессом познания вообще. Эта связь направлена в обе стороны, она не может быть односторонней, хотя, вне сомнения, лидирующая роль в закреплении этой связи не у языка, а у сознания и культуры народа. Потому представляется безусловно важным и справедливым утверждение, что семантические процессы в лексике языка должны изучаться с учетом лингвокультурологических теорий и принципов антропоцентризма, т.е. с учетом человеческого фактора в языке.

Не отрицая этих важных и правильных методологических принципов интерпретирования динамических процессов в лексико-семантической системе, в данной статье мы намерены обратить внимание на иной аспект проблемы развития и изменения словарного состава русского языка. Само функционирование языка как средства коммуникации способно породить импульсы и таких изменений, которые сами по себе напрямую не зависят от каких-либо историко-культурных, в том числе экономических, политических или духовных изменений в жизни народа. Эти изменения – внутриязыковые, внутрисистемные – визуально не наблюдаемы, они не так откровенно определяются или вовсе не определяются историей и культурой народа и поэтому часто остаются вне поля зрения лингвистов. Рассмотрим этот тезис на процессах изменения номинаций таких понятий и явлений действительности, которые сами по себе сохранили свой статус в объективном мире и сознании носителей языка фактически без изменений, но обновили свое название. Бывшее же название этого же понятия или явления языком «перепрофилировано», иногда до границ противоположного смысла.

В классической литературе достаточно много случаев употреблений обычных слов в нехарактерных для современного русского языка (конца XX – начала XXI века) смыслах. Например:

Как же бы вы думали было написано завещание? А вот как: «Племяннику моему, Павлу Пет-

*рову сыну Бурдюкову, – слушайте! – в возмездие его сыновних попечений и неотлучного себя при мне **обретения** до смерти – замечайте! Замечайте! – оставляю во владение родовое и благоприобретенное имение мое в Устюжском уезде... вона! вона! вона куды пошло! – пятьсот ревизских душ, угодыя и прочее» (Гоголь. Тяжба).*

Слово *возмездие* в XIX в. имело широкое значение, было синонимично и слову *награда*, и слову *кара*. В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» (Вып. 2. М.: Наука, 1975) оно и определяется с помощью этих слов: *Возмездие* – «оплата, кара или награда за поступки». В.И. Даль в своем «Толковом словаре живого великорусского языка» в словарной статье этого слова приводит глагол *возмездничать*, значение которого объясняет так: «верстаться, платить добромъ за добро, зломъ за зло». Однако слово *возмездие* в современном языке со смыслом «плата как благодарность за добрые дела» не употребляется. То же можно сказать и об архаизированном корневом слове *мзда*. Его основное, ныне устаревшее, значение носило обобщенный характер – «плата вообще» – без уточнения – за добрые или недобрые дела; по В.И. Далю, это «плата, вознаграждение, воздаяние за что-либо», что подтверждают архаичные поговорки: *Мзда не лихва (лихва – «избыток», излишек; корыстные вымогательные барыши при денежных оборотах»* (по словарю В.И. Даля). *Всяк труд мзды своей достоин. Не ради мзды, а ради правды.* В произведениях русской литературы XIX века: *Я пою, / Как птичка в поднебесье, / Не чая мзды за песьнь свою* (Тютчев. Певец). Общеславянское по происхождению слово *мзда* (от *мъзда*) имело широкую сочетаемость и было активно в словообразовательном отношении, имело много производных: *мздникъ, мздодаять, мздовоздаять, мздодаяние, мздодатель, мздодаятель, мздоимать, мздоимничать, мздоимство, мздопріемень, мздолюбеть, мздолобивый* и др. Бывшее многочисленным родственное гнездо с потерявшим свою активность в речевом употреблении корневым словом *мзда* лишилось своей мотивировочной базы («внутренней формы», по А.А. Потемне) и весьма значительно уменьшилось. Слово *возмездие*, сохранив идентифицирующие семы денотативной части своего значения «плата, вознаграждение, воздаяние», изменило дифференциальные семы своей семантики, утратив такую ее часть (сему), как «плата за добро», и употребляется теперь в значении – «воздаяние не за добрые

дела, а за плохие, злостные дела», в связи с чем идентификатор словарной дефиниции в современных словарях опирается на экспрессивное слово *кара*. В академическом «Словаре русского языка» в 4-х томах дано: «*Возмездие* — *высок.* Оплата, кара за причиненное, совершенное зло», например, /*Илья/ не думал о Полуэктове, а лишь о том, что совершил тяжкий грех и впереди его ждет возмездие* (М. Горький. Трое). В новейших толковых словарях, если вообще слово *возмездие* в них помещается, то его значение толкуется как «плата, кара за причиненное зло» (в «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С.А. Кузнецова. — С.-Петербург: Норинт, 1998) и даже как «плата, кара за преступление, за зло» (Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. «Русский толковый словарь». — М.: Эксмо, 2006).

О причинах такого сужения семантики слова *возмездие* можно сказать следующее. Важнейшим фактором удержания слова в активном запасе словаря является сохранение мотивировочной базы, обеспечившей образование этого слова, поскольку системные центростремительные силы родственного гнезда с живой и активной его вершиной обуславливают семантизацию интегральных архисем в значении всех родственных слов этого гнезда. Поэтому для жизнеспособности слова *возмездие* активное функционирование в речи слова *мзда* оказывается важным фактором. Однако архаизация слова *мзда* единственной причиной сужения семантического объема слова *возмездие* быть не может. В подобных случаях, как правило, действует несколько языковых (а может быть, и неязыковых) факторов. В частности, в данном случае сыграло свою роль и то, что слово *возмездие* образовано с помощью старославянских морфем — приставки *воз-* и суффикса *[-ий]*, в результате чего оно изначально воспринималось как книжное и высокое, т.е. слово с ограниченной сферой употребления. Кроме того, его значение было достаточно общим и неопределенным — «плата и за добро, и за зло». Но добро и зло — понятия антонимические, и в речи очень важно их четко разграничивать. Язык пошел в этом случае по пути дифференциации смыслов: смысл «плата за добро» утвердился за словом *награда*, а смысл «плата за причиненное зло» закрепился за словом *кара*. А для выражения общего смысла, имевшегося ранее у слова *возмездие*, в активном функционировании языка было и остается общеупотребительное древнее

общеславянское слово *плата* (образовано от слова *плать* — «кусочек материи». Материя в древности выполняла роль денег («Краткий этимологический словарь русского языка» Н.М. Шанского, В.В. Иванова, Т.В. Шанской). Можно высказать предположение и о том, почему слово *возмездие*, сужая свое значение, сохранило именно сему «кара», а утратило сему «награда». Кара, наказание за причиненное зло предполагает опору на какие-либо юридические нормы, законы или сложившееся в данной культуре какое-то официальное регулирование правил выбора наказания. И для юридической сферы слово *возмездие* как нельзя лучше подходило по своему звуковому облику и стилистической окраске. Ситуация же оплаты добра столь строгого юридического сопровождения не требовала, опираясь в гораздо большей степени на моральные принципы и традиции, сложившиеся в культуре восточнославянских народов.

Слово *обретение* образовалось от устаревшего разговорного глагола *обретаться* в значении «Жить, проживать, находиться, пребывать», например, *В то время, о котором идет наша речь, обреталась в Москве некая вдова, грузинская княгиня* (Тургенев. После смерти). Глагол *обретаться* архаизировался, а исходный его мотиватор, глагол *обрести* (книжн.), сейчас употребляется со значением «найти, отыскать, получить» и имеет небольшие возможности лексической сочетаемости: *обрести душевный покой, счастье, свободу, надежду*. Однако в 1-й половине XIX века слово *обрести* имело более широкую сочетаемость. Сравним у А.С. Пушкина: Онегин встречает Татьяну Ларину — супругу важного генерала — в высшем свете и удивлен произошедшей в ней переменой: *Ей-ей! Не то чтоб содрогнулась / Иль стала вдруг бледна, красна... / У ней и бровь не шевельнулась; / Не сжала даже губ она. / Хоть он глядел нельзя прилежней, / Но и следов Татьяны прежней / Не мог Онегин обрести* (глава восьмая). В этом контексте у глагола *обрести* реализовано вполне прозаическое значение, нейтральное: «увидеть, обнаружить, найти». Современная сочетаемость глагола *обрести* ограничена контекстами стилистически приподнятыми, торжественными (в вышеназванном «Русском толковом словаре» он дан с пометой *высок.*), этот глагол сейчас «предпочитает» соединяться с отвлеченными существительными. Каковы же причины этих изменений? Выскажем свои предположения по этому поводу.

Для времени написания, например, гоголевской «Тяжбы» слова *возмездие* и *обретаться* не были устаревшими. Устаревшими их можно считать только для нашего времени конца XX — начала XXI века. Когда мы говорим, что перед нами устаревшее слово, нужно обязательно указывать, для кого и для какого времени его можно считать устаревшим.

Словарные идентификаторы утраченного глагола *обретаться* — глаголы *жить*, *проживать*, *находиться*, *пребывать* — и без него вполне способны выразить все необходимые смыслы этого синонимического ряда, потому его архаизация не нанесла ущерба информативным возможностям данной лексико-семантической группы глаголов. Утрату слова *обретаться* можно объяснить и тем, что наличие нескольких глаголов, имеющих одинаковые или очень близкие значения, в свое время не было поддержано процессом дифференциации их значений. Так, существовала целая группа семантических дублетов, что делало структуру глагольной лексико-семантической группы с инвариантным значением «проживать», перегруженной ненужным балластом. Дело в том, что большое количество слов с однотипным значением еще не является показателем высоких информативных возможностей языка, т.е. его словарным богатством, на что указывал известный исследователь истории лексического запаса Р.А. Будагов: «Язык может располагать огромным словарем, но если этот словарь не «обработан», если дифференциация между близкими по значению словами либо мало осознается говорящими, либо не существует вовсе, (...) то лексика подобного языка, богатая в количественном отношении, оказывается бедной функционально, недостаточно точной в процессе общения людей»¹. Прогресс в концептуальной сфере языка проявляется в усилении и углублении его обобщающих возможностей в организации лексико-семантических групп (лексических парадигм), поэтому факты выброса из активного словоупотребления отдельных компонентов из состава лексико-семантических групп связаны с их перестройкой в направлении дальнейшего усовершенствования структуры и усиления семантической определенности лексических значений оставшихся слов, в том числе коннотативной и оценочной составляющей их значений. Однако эти процессы протекают на протяжении длительного времени и не носят однонаправленно-

го категоричного характера. Так, слово *мзда* в 1-й половине XIX века уже имело отрицательную коннотацию, на что указывает В.И. Даль: «нерѣдко прилагается въ дурномъ знч. подкупа, продажности» (Словарь В.И. Даля).

«Изменение существенных функций влечет за собой и изменение как отдельных элементов языковой структуры, так и постепенно структуры в целом»². Обновление словарного состава лексико-семантических групп вызывается, в частности, противоречием между интегральным смыслом в значении всех слов этой группы и тенденцией к дифференциальной четкости и самоопределенности семантики отдельных ее компонентов.

В исторической перспективе развития лексико-семантической системы происходит постепенный отбор более звучных и выразительных номинаций объектов действительности из нескольких сосуществующих в определенный период времени вариантов их обозначений при условии усиления информативных возможностей актуализирующегося слова.

Жизнеспособность звуковой оболочки слова обусловлена комплексом факторов, среди которых важны и такие, как противоречие между заданным содержанием, идущим от концептуального содержания лексико-семантической группы, и необходимостью для каждого слова группы иметь индивидуальное лексическое значение и индивидуальный набор потенциальных смыслов и коннотативных значимостей, чтобы отличаться от других.

Так, на протяжении последних двух веков в русском языке утратилась группа слов — *нужий*, *нужливый*, *нужный*, *нужной* и другие, им родственные, со значением «очень бедный, не имеющий самого необходимого», мотивировавшихся утраченным русским словом *нужа*, например, древние поговорки: *Нет хуже нужи да стужи*, *Добьет нужа до худого мужа* (из словаря В.И. Даля). Постепенно слово *нужа* было вытеснено более звучным старославянизмом с тем же значением — *нужда*. В результате этого производные от *нужа* лишились своей «внутренней формы», т.е. признака, мотивирующего их звучание и значение. В литературном языке их все заменил один старославянизм *нуждающийся*. В отдельных говорах регистрируется слово *нужной* в значении «неимущий, бедный» (Словарь русских говоров Среднего Урала). Слово *нужный*, в связи с утратой своего мотиватора — производящего слова *нужа*, пережив полное опрошение своей структу-

ры и семантики, закрепилось в значении «необходимый» и воспринимается современным сознанием носителей языка как немотивированное и непроизводное.

Вышли из употребления слова, «внутренняя форма» которых затемнена для современного носителя русского языка. Их использовал В.И. Даль для толкования слов со значением «бедный»: *колоногий* (возможно, босой, ноги колет ему, но мы такую мотивировку можем приписать слову только гипотетически) и для толкования слов со значением «богатый»: *замочный* (возможно, такой, который имел замок для сохранения своего богатства, т.е. редкостный предмет для быта простых людей начала XIX века, которые свои жилища, особенно в сельской местности, не закрывали на замок). И это воспроизведение «внутренней формы» слова, т.е. мотивировочного признака, легшего в основу названия, также гипотетично.

Следует отметить, что деривационное (мотивировочное) семантическое наследие, при всей своей значительности и необходимости в ситуации словопорождения, не является главным и определяющим фактором в жизнеспособности слова. Обеспечив образование слова, в дальнейшем оно «растворяется» в денотативном содержании семантики этого слова. Сема «внутренней формы» начинает взаимодействовать с другими в смысловой структуре семемы (в лексико-семантическом варианте слова), как с центральными, так и с периферийными семами, в результате чего постепенно может сформироваться уже иное значение, не связанное с бывшей «внутренней формой», т.е. значение слова лексикализуется. Лексикализация может нивелировать деривационно-мотивировочные смыслы в семантике слова, поскольку они уже не столь важны для функционирующего слова, семантика которого в значительной степени подкреплена и обогащена сетью его синтагматических связей.

Развитие многозначности также способствует усилению устойчивости слова во времени, так как даже при утрате мотивировочной семантики основного значения многозначность усиливает его жизнеспособность в системном объединении лексико-семантических вариантов слова, связанных отношениями внутрисловной мотивации внутри смысловой структуры лексемы. В смысловой структуре лексемы ее семемы взаимодействуют и взаимопроникают друг в друга, а на рече-

вом уровне функционируют во множестве вербальных сочетаний. Семантическая мотивировка, направленная от основного значения к неосновным значениям этого же слова (не только в случаях мотивации по принципу веера, но и в случаях цепочной и смешанной мотивации), обеспечивает устойчивое единство семем одной лексемы и организует, скрепляет всю ее смысловую структуру. В диахронном плане внутрилексемные мотивационные отношения также обеспечивают наличие ментально-мыслительного инвариантного содержания, своего рода ядерной концептуальной семантики, общей для лексико-семантических группировок лексики. Ведь «для системы и ее элементов важна не только дифференцирующая функция («различительная способность»), но и интегрирующая, обуславливающая ее внутреннюю целостность и взаимосвязь элементов, ее составляющих»³. Инвариантная семантика определяет системообусловленное место каждой из семем в лексико-семантической парадигматике языка, от которого во многом зависит назначение и функциональное поведение семем одного и того же слова при его употреблении в речи.

Процессы семантических изменений в словах и процессы структурной перестройки и обновления словарного состава лексико-семантических групп, которые осуществляются под воздействием собственно языковых тенденций и законов, в принципе могут быть обусловлены многоступенчатым опосредованным влиянием эволюционных мыслительных процессов и социокультурным развитием носителей языка, однако учителю следует избегать объяснений каких-либо фактов семантического развития слова прямым влиянием социокультурных явлений в обществе без предварительного лингвистического анализа этих семантических изменений. **При комментировании контекстов с устаревшей лексикой учителю следует помнить о том, что при такой работе совершенно необходимо использовать словари не только современного русского языка, но и исторические толковые словари, а также помнить и о том, что далеко не все семантические изменения можно объяснить однозначно.**

¹ Будагов Р.А. Что такое развитие и совершенствование языка? — М., 1977. — С. 36.

² Филин Ф.П. Очерки по теории языкознания. — М., 1982. — С. 164.

³ Журавлев В.К. Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. — М., 1982. — С. 47.